

ЖАНРОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-31

DOI 10.37386/2305-4077-2026-2-69-77

© С. В. Сомова¹

*Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение Самарской области «Академия для одаренных детей (Наяновой)»
(Самара, Россия)*

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ ТВОРЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ ХУДОЖНИКА В ТЕТРАЛОГИИ БОРИСА ЗАЙЦЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА»

Роман мыслился автором как хроника и поэма формирования самоценной творческой личности по методу разветвления сверхличных источников опыта чувственного восприятия глубинных начал жизненного мира России как сил, рефлексия над которыми открывает ему его предназначение писателя.

Ключевые слова: литература эмиграции, писатель, творец, сверхличное, поэма, целостность, Бог

Svetlana V. Somova

State Budgetary Non-Standard General Education Institution of the Samara Region "Academy for Gifted Children (Nayanova)" (Samara, Russia)

THE PROBLEM OF THE ARTIST'S CREATIVE ENERGY SOURCES IN BORIS ZAITSEV'S TETRALOGY "GLEB'S JOURNEY"

Künstlerroman by Boris Zaytsev, the genre of which the author has precisely defined as «novel-chronicle-poem», differs in that the history of formation of the identity of the creative personality of the future writer takes place on the principle of deployment of supra-personal sources of experience of the child's sensory perception. The poetic component of this prose is also based on the motives of the «insuperable» forces coming from the depths of Russia's living world, «carrying» its heroes; these forces tell the writer to «carry out what he came for in this world».

Keywords: emigration literature, writer, creator, supra-personal, poem, integrity, God

---

¹ Светлана Владимировна Сомова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Самарской Академии для одаренных детей (Наяновой). ORCID: 0000-0002-2739-5909. E-mail: swetlana.somova@gmail.com.

Как известно, тетралогия «Путешествие Глеба» (романы «Заря», «Тишина», «Юность», «Древо жизни») сознательно писалась Борисом Зайцевым в эмиграции как произведение автобиографического характера [Зайцев, 1999].

В заметке «О себе» писатель определил жанр своего произведения как «роман-хроника-поэма» [Зайцев, 1999, с. 591]². Все три понятия не только с высокой степенью точности определяют характер тетралогии, но и указывают на ценностную структуру зайцевского понимания деятельности писателя. Роман – литературная форма, центр интереса которой составляет самоценная личность; хроника – это постепенное разворачивание жизни героя во времени, в неспешном, «медленном своем течении» (с. 269). При этом понятие хроники указывает еще и на то, что романное углубление во внутреннюю жизнь отдельной личности осуществляется в пространстве жизненного мира людей, окружающих героя, и это, в свою очередь, особым образом указывает на третье понятие – «поэма».

Борис Зайцев писал о своем раннем импрессионистически окрашенном творчестве как о «чисто поэтической стихии, избравшей формой не стихи, а прозу» (с. 588), как известно, действительно тяготевавшую к лирической бессюжетности, ассоциативности и фрагментарности [Полужктова, 2001; Каргашин, 2001]. В тетралогии поэтическое начало предстает как идущий из глубины жизненного мира ритм бытия, в каждом моменте и в каждой прозаической детали которого ощущается движение целостности жизни, обладающей непостижимым смыслом, о чем-то говорящем отдельному человеку. Зайцев пишет, что в его произведении речь идет не только о герое: «внутренно не оказывается ли Россия главным действующим лицом – тогдашняя ее жизнь, склад, люди, пейзажи, безмерность ее, поля, леса и т.п.?» (с. 592).

Текст тетралогии от романа к роману постепенно расширяется, рамки видения действительности раздвигаются, местами в третьем романе тетралогии, но особенно в четвертом, появляются персонажи и ситуации, уже не переживаемые лично Глебом – как если бы роман с самого начала тайно был устремлен к гораздо большему, чем личный опыт героя. На страницах романов тетралогии снова и снова возникают мотивы единого потока времени («Тишина», с. 248) и в романе «Юность» «несущей» героев «неодолимой силы» сверхличного начала: «Ее несла сила – пока не перестала действовать. Лиза знала, куда идти и что делать. Хотя ни о чем не думала» (с. 341); В романе «Древо жизни» герой «уверялся,

² Тексты Б. Зайцева цитируются по: Зайцев, Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Москва: Русская книга, 1999. Далее при цитировании номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

что тогда его несла неодолимая сила, ему надо было *жить*, осуществлять то, для чего он пришел в этот мир» (с. 455)³. Эта сила несет и Элли, и других, например, по-своему – Геннадия Андреевича. А. П. Черников, цитируя роман, показывает, что автобиографического героя с детства «несла в себе жизнь русская, сама тогдашняя Россия, как бескрайняя вода». Выделяя архетипы творчества Зайцева – путь, дом и река, он справедливо связывает «путь» с «реккой» как воплощениями непрерывного движения героя-путника, понимания жизни как «непрерывного пути» [Черников, 2001, с. 16–17].

Этот опыт созерцания и опыт включенности в стихию жизни окружающего его мира как целого – опыт ощущения «откровения Природы» (с. 71), опыт «тишины» как «общего состояния мира и как гармонии между ним и миром», необходим для «созревания души художника» [Захарова, 2001, с. 146, 147, 149]. Постепенное осознание в романе «Юность» этого опыта самодовлеющей жизни большого целого происходит в размышлениях Глеба – молодого художника – о власти над ним мира и его движения, об уносящей его реке жизни – «светлой и многоводной» [Зайцев, 1999, с. 391], о том, что все возможно – «смех, радость, отчаяние – ничего неизвестно заранее, все Божий дар, щедрость, стихия, мечущая направо, налево» [Зайцев, 1999, с. 395] – отвечает и мыслям матери, думающей о нем, о Лизе, Артюше – «тоже новая жизнь» – о потерях и разлуках, о своемвольном движении целого: «Это жизнь, это закон», [Там же, с. 395–396]. Чувство причастности к этому миру, «восторг бытия», о котором говорит повествователь, цитируя 102 псалм Царя Давида, был уже знаком Глебу, «который не знал Псалмов, о царе Давиде не имел представления» («Заря» [Зайцев, 1999, с. 71]). Поэтическая мысль о включенности отдельных жизней в движущееся, меняющееся целое «неизвестной никому реки, несущейся и проносящейся» [Зайцев, 1999, с. 387] – составляет внутреннее, во многом пантеистически окрашенное поэтическое движение романа-поэмы Б. Зайцева о художнике. Тетралогия строится на изображении неуклонного процесса расширения мира героя-художника, который должен вместить в себя большой мир.

Так постепенно и совершенно органично формируется внутреннее, поэтическое единство, рождающееся вначале на основе восприятия ребенка, для которого все есть живой мир, неотделимый от того, как его видит маленький Глеб. Сначала, кажется, это мир почти только ребенка, который, однако, – в романе «Юность», и следующем романе, получившим уже эпически предельно широкое название «Древо жизни», все больше выходит за границы непосредственно

³ Курсив наш. – С.С.

кругозора Глеба. Он говорит о жизни других людей, опосредованно связанных между собой и с размышлениями Глеба, все больше проявляющих свою подспудно метафизическую устремленность к универсальному целому жизни. Это целое понято не обязательно пантеистически, философски или религиозно, но все чаще указывает на Бога как на последнее основание этой надличной связи, говорящей о непостижимо едином смысле вечно обновляющейся жизни. И. Мянговска, рассматривая творчество Зайцева в контексте ситуации обращения в 1917–1925 годах ряда деятелей русской эмиграции к православию, верно указывает на то, что путь Глеба к «почтительному отношению к вере и религии», к религиозности, показан «правдиво и неприукрашено» – «к Богу он приближался медленно, стараясь все переосмыслить и понять...» [Мянговска, 2001, с. 23]. Важнейшая особенность зайцевского героя – становящегося художника – заключается в его внутренней самостоятельности, развитие его личности происходит свободно и органично, опирается на опыт личного восприятия и понимания, отворачиваясь от всего того, что находится за пределами его частного опыта. Именно чувственный контакт художника с реальностью и самостоятельная рефлексия над своим личным опытом становятся источником его творческой энергии.

Одним из важнейших и универсальных мотивов тетралогии является мотив изначальной красоты вечно разрушающегося и обновляющегося единства мира. Его постижение дается человеку сначала естественно-интуитивно, как радость, но затем приходит драматический опыт разочарований, противоречий, утрат и новых обещаний, размышлений и поисков, дающих надежду на смысл и все-таки гармонию и красоту. Изначально – это чувство глубинной гармонии бытия красоты и истины, чувство, которое сделает героя художником, который снова и снова будет пытаться сохранить и реализовать его в своей жизни и творчестве.

Текст первого в тетралогии «Путешествие Глеба» романа «Заря» с первых страниц окрашен поэтическим восприятием мира как светлого, божественного – райского единства, чувственно обращенного к человеку:

«Какой невероятный, ослепительный свет, что за жаворонки, голубизна неба, горячее, душистое с лугов веяние – еще и покоса нет, а уж истаиваешь в сладких запахах, и все в свете дрожит, млеет, как-то ходит и трепещет, будто невидимый коростель выбивает световую музыку. Кажется, что сейчас задохнешься от ощущения счастья и рая – да, конечно, рай пришел из Высоцкого заказа, или еще дальше из-за него, в световых волнах, в блаженстве запахов и неизъяснимом чувстве радости бытия. Благословен Бог, благословенно имя Господне! Ничего не слышал еще ни о рае, ни о Боге маленький человек, но они сами пришли, в ослепительном деревенском утре...» [Зайцев, 1999, с. 27].

Так видит утро герой романа, маленький мальчик, будущий писатель Глеб. Ребенок не мог бы такими словами высказать суть своего восприятия, но став взрослым и найдя себя как писателя, он уже может именно этими словами выразить то, что воспринимает лишь на чувственном уровне ребенок.

Повествователь говорит как поэт: он таким образом рисует интенсивность чувственного, собственно поэтического восприятия этого утра как поэзии жизни в ее целостности. Впечатление идентификации автора-повествователя с сознанием мальчика оправдано тем, что он как бы наперед знает то, кем станет этот ребенок. Он смотрит на него из того будущего, в котором герой романа уже нашел себя. Настоящее и будущее живут в этих глазах одновременно: будущее истинного «я» мальчика – это сила, которая руководит им уже сейчас. Мотив неведомой и «неодолимой силы», несущей жизнь героя и определяющей его стремления, получает развитие в четвертом романе тетралогии и по-своему проявляется уже в его названии – «Древо жизни». О Глебе – взрослом писателе – там говорится: «его несла неодолимая сила, ему надо было *жить* (курсив автора), осуществлять то, для чего он пришел в этот мир» (с. 455). Эта сила выведет героя к познанию и пониманию себя и своего предназначения, она действует на большой дистанции целого жизни героя – ребенка, юноши, взрослого писателя – это позволяет ему осознать себя – сделать то, что было еще недоступно ребенку, но уже в нем жило и вело его.

К. В. Мочульский-эмигрант в парижской рецензии 1937 года на роман «Заря» отметил писательскую черту Б. Зайцева-эмигранта, назвав ее двойным зрением: писатель говорит о русской жизни с большой временной дистанции, с которой эмиграция с болью писала о навсегда потерянной России: «Автор пишет о мире, исчезнувшем безвозвратно, о той помещицкой, деревенской России, лицо которой мы не перестаем разглядывать с мучительной любовью. ... чем больше мы читаем и вспоминаем, тем яснее чувствуем: нет, **тогда** мы ее не знали; только **теперь**, отделенные от нее пространством и временем, мы научились видеть ее настоящую. ... исчезнувший мир действительно становится «поэзией», так как на него падает резкий трагический свет от настоящего» [Мочульский, 1999, с. 594]⁴.

Это «поэма», свидетельствующая о прошлом как о целом – утраченном навсегда мире – она говорит с точки зрения поколения, которое вынуждено было навсегда покинуть родину.

---

⁴ Выделено нами. – С.С.

Мочульский дает безусловно аутентичную оценку стиля Зайцева-писателя, но в данном случае для нас важны другие аспекты построения романа: во-первых, это эстетическая проблематика творчества в плане решения проблемы романного героя как художника, а во-вторых, авторское понимание искусства как творческой деятельности. Структура образа Глеба в тетралогии Зайцева позволяет по-особому акцентировать проблему художника и его пути от по-детски полубессознательного и прежде всего чувственного восприятия себя и мира, до проблемы его отношений к себе и к внешней реальности – о соотношении чувственного и рефлектирующего над собой восприятия. Мир предстает как целое – «поэтическое» или «эпическое» восприятие в определенной степени параллельно восприятию первоначального «состояния мира» как его определял Гегель. Но одновременно единство этого мира – проблематично: изменения реальности предстают как разрушение мира гармонии и красоты. Опыт героя-художника – это опыт ценностной неустойчивости мира, противоречивости его развития и развития самого героя.

В целом Глеб живет в относительной гармонии с окружающим миром, поэтически-интуитивно принимая его, с другой – он лишен гармонии в себе самом – поначалу он по-детски наивно замкнут на себе, на своем поэтически-райском восприятии этого мира, но при этом постоянно отделяет себя от окружающих, замыкается в себе, на своих переживаниях. В романе «Юность» читаем: «Землю, поля, мужиков принимал он родственно, душою и поэтически, но с огромного расстояния» [Зайцев, 1999, с. 390]. Глеб полубессознательно защищает свое внутреннее Я от других, даже самых близких. Для других – он «странный». Автор настойчиво подчеркивает сдержанность героя в проявлении или выражении чувств: Глеб «не любил открыто выражать чувства» [Зайцев, 1999, с. 31]. Эта сдержанность моделирует важную черту характера маленького Глеба: постоянная рефлексия над собой и над своими отношениями с окружающими его людьми. Эта черта связана со способностью не сливаться бессознательно с миром, с другими, но всегда видеть себя самого и окружающий мир со стороны, с дистанции, изнутри и – из глубины своего личного, своего собственного мира. Это может быть истолковано повествователем то как наивная «мужская гордость» ребенка (с. 30), то как «мелкое честолюбие», которого он стесняется, «но оно не уходило» (с. 261), то как чувство собственного достоинства или «всегдашнее его чувство превосходства над окружающим». Автор-повествователь во втором романе тетралогии «Тишина» говорит о том, что Глеб был «с детства отравлен» этим чувством, давая тем самым ему отрицательную оценку – оно лишало Глеба непосредственности и «радости», делало одиноким, «накладывая на одиночество его еще большую черту горечи – отделяло, уединяло» (с. 223).

Эта черта характера Глеба особенно в юности является для него бременем, но это бремя продуктивно, так как связано с центральной темой тетралогии Бориса Зайцева – проблемой творческой личности героя, который не просто выражает свое личное отношение к действительности, но в эстетическом акте должен отрешиться от своего практического интереса в отношении к объекту. Это проблематика эстетической деятельности художника, предполагающая, как известно, наличие определенной дистанции к объекту, обеспечивающей преодоление ограниченно житейского, чисто субъективного «потребительского» отношения к созерцаемому предмету. Художественная деятельность предполагает не простое любование, но и стремление к постижению истины объекта и его отношений с окружающим. Таким образом, непосредственно чувственное восприятие должно дополняться, корректироваться и существенно углубляться рефлексией художника над объектом и своим восприятием – без этой рефлексии над объектом и собой истинное познание и творчество не достигаются.

В ранний «наивный» период жизни Глеба художническая склонность мальчика проявляется в стремлении к живописи, решающим является для него способность чувственного восприятия цвета, света, формы и атмосферы. Он занимается рисованием – срисовывает, копирует, затем в гимназии, руководствуясь наставлениями учителя, пытается научиться «тщательной разработке всех планчиков» (с. 212). Это не приносит ему удовлетворения, и только в романе «Юность» общение с настоящей художницей – Полиной Ксаверьевной – заставляет его признать, что он лишен дарования художника, но именно она указывает ему на самую суть: «Вам идет восемнадцатый год. Это детский возраст. Все для вас впереди. Вы о себе ничего еще не можете знать» (с. 284). Наивное, полубессознательное противопоставление себя другим без понимания той силы, которая должна его «нести», не ведет к его самоопределению как творческой личности – тех ее границ, которые позволяют что-то понять в себе самом и в окружающем мире, найти себя. Лишь повзрослев и начав задумываться над фундаментальными вопросами человеческого бытия, расширяя свой жизненный кругозор, постигая ранее недоступные для него сложные проблемы жизни человека: любовь, страсть, бренность, смерть – он учится понимать, чего на самом деле хочет его натура, осознавать ценность своего опыта. Только опыт рефлексии над собой, над своим чувственным восприятием мира как целого, опыт интуитивного, а затем и сознательного утверждения своей личностной самостоятельности, постепенного познания себя среди других людей и других писателей позволяет ему стать художником слова.

На этом пути он естественным путем оказывается способен к более сложной и органичной для себя форме эстетической и рациональной рефлексии в отношении к себе и к другим – это отношение уже творческое: в нем появляется осознание себя и сути своего искусства, отличающего его от других: теперь искусство способно захватить его полностью, он становится на путь писательского осуществления своего жизненного опыта – как полубессознательного – детского, так и приобретенного и осознанного в годы юности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зайцев, Б. К.** Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4 / Б. К. Зайцев. – Москва: Русская книга, 1999. – 615 с.
2. **Захарова, В. Т.** Онтологический статус мотива тишины в тетралогии Зайцева «Путешествие Глеба» / В. Т. Захарова // Творчество Б. К. Зайцева и мировая культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. – Орел, 2001. – С. 145–151.
3. **Каргашин, И. А.** О родовом статусе лирической прозы Бориса Зайцева / И. А. Каргашин // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Третьи Международные Зайцевские чтения. Вып. 3. – Калуга, 2001. – С. 69–77.
4. **Мочульский, К.** <Ясновидение любви> / К. Мочульский // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. – Москва: Русская книга, 1999. – С. 593–595.
5. **Мяновска, И.** Мироощущение православного человека (На материале тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба») / И. Мяновска // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Третьи Международные Зайцевские чтения. Вып. 3. – Калуга, 2001. – С. 18–29.
6. **Полуэктова, И. А.** Лирический компонент как основа субъектного сознания в рассказах Б. К. Зайцева / И. А. Полуэктова // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Третьи Международные Зайцевские чтения. Вып. 3. – Калуга, 2001. – С. 106–119.
7. **Черников, А. П.** Б. Зайцев – классик XX века / А. П. Черников // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Третьи Международные Зайцевские чтения. Вып. 3. – Калуга, 2001. – С. 9–18.

REFERENCES

1. **Chernikov, A. P.** B. Zaytsev – klassik XX veka / A. P. Chernikov // Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva B. K. Zaytseva. Tre't'i Mezhdunarodnye Zaytsevskie chteniya. Vyp. 3. – Kaluga, 2001. – S. 9–18.

2. **Kargashin, I. A.** O rodovom statuse liricheskoy prozy Borisa Zaytseva / I. A. Kargashin // Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva B. K. Zaytseva. Tret'i Mezhdunarodnye Zaytsevskie chteniya. Vyp. 3. – Kaluga, 2001. – S. 69–77.

3. **Mochul'skiy, K.** <Yasnovidenie lyubvi> / K. Mochul'skiy // Zaytsev B. K. Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 4. – Moskva: Russkaya kniga, 1999. – S. 593–595.

4. **Myanovska, I.** Mirooshchushchenie pravoslavnogo cheloveka (Na materiale tetralogii B. Zaytcev «Puteshestvie Gleba») / I. Myanovska // Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva B. K. Zaytcev. Tret'i Mezhdunarodnye Zaytsevskie chteniya. Vyp.3. – Kaluga, 2001. – S. 18–29.

5. **Poluektova, I. A.** Liricheskiy komponent kak osnova sub'ektnogo soznaniya v rasskazakh B. K. Zaytsev / I. A. Poluektova // Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva B. K. Zaytsev. Tret'i Mezhdunarodnye Zaytsevskie chteniya. Vyp. 3. – Kaluga, 2001. – S. 106–119.

6. **Zakharova, V. T.** Ontologicheskiy status motiva tishiny v tetralogii Zaytseva «Puteshestviye Gleba» / V. T. Zakharova // Tvorchestvo B. K. Zaytseva i mirovaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 130-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. – Orel, 2001. – S. 145–151.

7. **Zaytsev, B. K.** Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 4 / B. K. Zaytsev. – Moskva: Russkaya kniga, 1999. – 615 s.

Статья поступила в редакцию 22.11.2025 г.